



Людмила Ивановна Стрижова (14 октября 1949 — 18 февраля 2012 года) — актриса Иркутского театра юного зрителя. В 1973 году окончила Иркутское театральное училище. Работала в театрах Томска, Семипалатинска, Новокузнецка. Преподавала в Иркутском театральном училище. Заслуженная артистка России с 1997 года, народная артистка — с 2006. Известные работы: Анна в «Последнем сроке» В.Распутина, Хороших в «Прошлым летом в Чулимске» А.Вампилова, миссис Сэвидж в «Странной миссис Сэвидж» Д.Патрика, Дарья в «Прощании с Матерой» В.Распутина. Супруг — Александр Валерианович Ищенко (1939–2014), театральный режиссер, заслуженный деятель искусств России.

«Герой его ищет праздник»

...Эти слова произнес Валентин Распутин после спектакля по рассказам Василия Шукшина. Три артиста Театра юного зрителя: Людмила Стрижова, Владимир Безродных и Людмила Попкова прежде всего сами для себя хотели устроить праздник. Это было желание «снизу», как определил Александр Ищенко, который по-режиссерски все-таки помог артистам. Владимир Безродных уже после Людминого ухода вспоминал, как родился шукшинский спектакль.

Безродных: «Мы как-то душами что ли соприкасались. Стрижова очень любит Шукшина. Я люблю Василия Макаровича. Вот иду по театру, бормочу его рассказ. Текст выучил. Она говорит: «А давай спектакль сделаем». — «А давай». Нашли очень хороший рассказ на троих. Называется «Бессовестный». Ну, это надо смотреть, конечно».

Журналист: «Да, видела я его. С удовольствием большим смотрела».

Безродных: «Ведь мы его играем с 2004 года. Мы играем в Доме актера на сцене (Безродных словно забывает, что Люды нет и спектакль уже не играется). Этот спектакль по Шукшину мы не для денег делали. Мы делали для души... Сейчас Людмила Ивановны нет. Вспоминаю, как она работала. На высоком градусе... Как она проникновенно говорила о детстве Василия Макаровича».

Журналист: «Из книги «Нравственность есть правда?»»

Безродных: «Да, как там были у него тетки. «Когда-то тетки мои хорошо пели. Теперь не могут. Просил — не могут». «Н е м о г у т!» Как она это проникновенно говорила. У нас в театре такой артистки нет. Не знаю, будет или нет? С таким напором, с такой душой, с таким проникновением... Вот здесь у меня висит сумочка, в ней пиджак для спектакля Шукшина. Здесь же у меня обувь, тоже для спектакля Шукшина. Какое-то тяжелое чувство, когда вот эту обувь, в которой я играл, взял, какое-то тяжелое чувство, что я попрощался со спектаклем. Еще раз резануло, что Стрижовой нет».

Спектакль назвали «Такая вот любовь, или Бессовестные». В любви к прозе Василия Макаровича Шукшина три артиста ТЮЗа сошлись душа в душу. Владимир Безродных так трогательно прочитал «Беспалого», что хотелось слушать еще и еще, Людмила Попкова безукоризненно провела свою роль в «Бессовестных»: казалось, для нее она и была написана. А Стрижовой снова пришлось, а вернее, посчастливилось играть старух, теперь — шукшинских старух. Смешно и трогательно Люда в лицах сыграла рассказ «Одни» про Антипу-шорника. Как комично, на глазах у зрителя, Стрижова перевоплощалась из большой грозной Марфы в сухонького маленького Антипку, мужичка с тонкой душевной организацией, сердце которого согревалось балалайкой. Потом Стрижова снова становилась Марфой, бабой внушительных телес и с внушительными словами: «Плевать мне на твою душу!» Маленький беззащитный Антипка поднимал перед Марфой руки вверх, точно этим стрижовским жестом и сдавался Марфе без боя, и защищался от ее кулаков, и поспешно соглашался, потому что знал: все равно Марфа не поймет его. Но соль-то рассказа в том, что однажды и на Марфу, душевно кондовую, суровую и приземленную бабу нашло озарение: для чего жила? Марфина душа тоже заметалась в поисках праздника жизни. Некогда в гневе бросив заветную Антипкину балалайку в печку, теперь, в эту непонятную сокровенную минуту, она так оттаяла душой, что попросила Антипку поиграть на балалайке, попеть. И даже дала — эта жадноватая до денег баба — шесть рублей на новую балалайку. Потрясающий рассказ. И как Стрижова, в тон Василию Макаровичу Шукшину, смешно, печально, светло прочитала его: не переусердствовала, не подыгрывала «под народ». Она вослед за Шукшиным рассказала: вот такая она жизнь, вот такие мы люди, что с нас взять. Помню, после спектакля — а последним был рассказ «Бессовестные» — после последних шукшинских слов ком встал в горле. Зашла к Стрижовой за кулисы. Говорить не могла, боялась расплакаться. Хорошо принял и зритель. В зале и молодые и зрелые люди. На премьере в Доме актера среди зрителей был Валентин Григорьевич Распутин. После спектакля его попросили сказать слово. Это «слово» Валентина Григорьевича я тогда записала.

Распутин: «Писатели бывают ведь разные. Есть очень талантливые, а есть просто народные. Вот Шукшин — просто народный. Говорить, что он не талантливый, нельзя, но народный — это звание гораздо больше, чем талант. Я не знаю, у нас в XX веке, по-моему, только три народных писателя: это Есенин, разумеется,

это Николай Рубцов и это Шукшин. И неважно, как они пишут, что пишут. Так это естественно, так это само выговаривается. И вот рассказы эти тоже. Я сам как бы профессионал, я знаю, как это может задумываться. Писать — значит ставить какие-то точки, паузы делать, сделать текст более плотным, потом опять его разрядить. А тут просто Господь, Господь или кто нашептывает ему так, что можно записывать. А может, он отошел, а кто-то взял и записал, а Шукшин подошел, чуть-чуть подправил — вот и все. Такое ощущение. Это редкий дар. Это очень редкий, совершенно редкий дар. Писал он как Бог на душу положит — и все получалось совершенно прекрасно. Слава Богу, что вы сделали это представление. Простите за грубое слово «представление». Я порадовался за вас. Потому что вы подобрали рассказы, которые нужны были здесь. Случайно это или не случайно получилось, но вы взяли самое главное у Шукшина... тут герой его ищет праздник».

«Аксиос!»

Русские народные песни Людмила полюбила в детстве, и после «песенного» детства актриса Стрижова, конечно же, не могла не сделать свою песенную программу. Это просто было бы небрежение природным даром, небрежение «богатым», хоть и не очень сытым детством. Песня всегда жила в ее душе, где бы она ни была: в театре, на сцене, дома, в гостях. А култукская приятельница Зина Морозко напомнила, что даже в лесу, когда собирали грибы, Стрижова распевала песни. Да, так оно и было. Не столько грибы собирала, сколько нас собирала возгласами на весь лес: «Зина! Танюшка!», чтобы никто не потерялся, да еще пела. О песенном концерте я в свое время записала с ней интервью для радиозфира.

Журналист: «Нынешняя ваша концертная программа новыми песнями пополнится?»

Стрижова: «Пока есть только одна песня, которая легла мне и на душу, и на сердце. Это песня иеромонаха Романа. Я песню эту пела недавно на Иннокентьевских чтениях. Она называется «Я пойду по земле». «Я пойду по земле, оскверненной обманом, по росистой траве, прямо в облачный дым...». Изумительная песня. Я ее быстро сделала. Нет, не скажу, что уже сделала. Я еще буду над ней работать. Вот человек идет по земле, на которой сейчас происходит всякое-всякое, и плохое и хорошее. И в конце есть потрясающие слова: «Слава Богу за все, за блаженную малость. Солнце видел и я в отражение росы». Вот я думаю: мы все ноем, плачем, но «слава Богу за все». Как это сердцем понимать и принимать? Вот «малость блаженная» — она и помогает человеку выжить. «Солнце видел и я в отражение росы». Эти слова меня просто потрясли. И у меня большое желание продолжить работать с песнями иеромонаха Романа. Мне хочется их петь.

И еще о стрижовских песнях. Вспоминаю бенефис народного артиста России Виталия Константиновича Венгера в 2003 году, в честь 75-летия со дня рождения артиста. Веселый зажигательный бенефисный вечер. Венгер — великолепный комедийный актер. Все мы его любили, обожали. На спектакли с его участием непременно ходили. И вот бенефис. В зале не умолкает смех, царит благодарное восторженное настроение. «Роль» Венгера в театре и до сих пор «вакантна», как поется в песне «Виват, король, виват!» Эту песню исполнила на бенефисе Стрижова. Песня несколько не «выбивалась» из зажигательно-веселого «капустника». Напротив — она нужна была: высокая, драматичная, о непрестом служении, в

котором актер — не профессия, а миссия. К ней допустил тебя Господь, возвысил тебя — и ты трудно и достойно «отрабатываешь» этот дар. У Стрижовой очень точно была пропета каждая фраза, интонация без патетики, но возвышенная: «За то, что ты с душой играл, народ тебя короновал». Да, это о Венгере...

А однажды она получила очень высокую оценку. Это было начало двухтысячных. Праздновалась Пасха в Иркутском Театре народной драмы. Люда спела тогда со сцены: «Занимается день. Монастырь над рекой — заходи, путь открыт, вход отверст!» Как только Стрижова пропела последнюю фразу этой замечательной песни, владыка Вадим, в ту пору епископ Иркутский и Ангарский, из зрительного зала воскликнул «Аксиос!» В переводе с греческого это значит «Достоин!»

«Мы у Господа как младенцы, так же беззащитны в наших бедах, напастях, в ненастье, в горе»

Православная вера в стрижовской душе жила, мне кажется, генетически, глубоко укоренилась от предков, но вот к храму дорога была длинной. Мы обе были крещены в раннем детстве. В церковь почти всегда почему-то ходили вместе, «за компанию», прошу прощения за неуместное, верно, в этом случае слово. Из-за стрижовской бурливой детской эмоциональности все нередко проходило с незабываемыми «историями». А впрочем, наши хождения были отражением той церковной жизни 90-х, когда не одни мы, а большинство прихожан плохо понимали, не осознавали, зачем идут в храм... Ну, на Крещение всем нам непременно надо было набрать освященной крещенской водицы. Вот одно незабываемое Крещение Господне. Мы поехали со Стрижовой в Знаменскую церковь. Народ аж на улице. Едва в притвор втиснулись, молебна не слышать. Потолкались-потолкались — и решили в собор Богоявления отправиться. Богоявленский тоже оказался переполнен. Священник приступил к великому водосвятию. Четыре больших металлических чана наполнены водой. После освящения батюшка брызгает на нас этой святой водицей. Ладощками, лицами, счастливые, ловим освященные брызги. Вопим, просим еще покропить. Батюшка широко замахивается кистью, чтобы далеко-далеко летели брызги. Пришло время набрать святой воды домой. Что тут случилось со всеми нами? Народ тесной плотной стеной окружил чаны. Поднялся крик, шум. Кто-то ухнул стеклянную банку об пол. Батюшке пришлось с соли воскликнуть: «Православные миряне, успокойтесь!» Давка продолжалась. У тех, кто выходил со святой водой, пот тек по лицу. Помню, бывалого вида мужик пробирается от чана с водой, он уже воды набрал и через всю толпу вещает: «Умом Россию не понять...». Говорим со Стрижовой: «Умом не понять... А самто чего лез среди первых?» Люда вышла прохладиться. Я побродила-побродила да и встала в самый хвост очереди. Войти назад Стрижова уже не смогла. Сказали: впускать будут всех, когда храм начнет освобождаться. Я подходила к служащим, просила за подружку. Говорила, что она вышла освежиться, что ей плохо стало. Ответили: пусть подождет. Слышу, моя Стрижова громко возмущается в притворе, настаивает, чтобы ее впустили. Потом, на обратной дороге смеемся: «Стрижова, тебя Господь уже в притвор вывел остудиться, нет, и там твоя запальчивость не прошла»...

Какие же мы были... даже и слов не найду... какие мы были далекие от церкви, хоть и ходили в нее. Вот как-то в Вербное воскресенье отправились в Бого-

явленский собор. Купили вербочку, она уже пушилась желтым цветом, и пошли: Люда, Саша и я. Саша и тут режиссер: он призывал нас идти чинно, как в старину. Мы по привычке бежали рысью и страшно злословили. Не хочется вспоминать, но слов из песни не выкинешь. Пришли уже к самому концу службы. Много было причастников. Потом — освящение вербочки. Все вскинули руки с вербочками вверх. Батюшка кропил щедро, наотмашь. И снова святые капли ловили лицами, что делало нас счастливыми, как детей. Но пошли домой — и что? Где наша любовь и смирение христианское? На паперти два мужика ссорились за место попрошайки. Один зло шипел другому: «Ты еще ближе придвинься ко мне». Милостыню у храмов тогда тоже только учились просить. Шли мы со Стрижовой и снова злоязычили, теперь про попрошаек: «Кажется, оба не калеки», — судили-рядили, но у же, слава Богу, хоть чуть-чуть поменьше.

И, конечно, никак не забуду Крестный ход 2007 года. Сотни верующих тогда отправились в путь из Владивостока в Москву освящать просторы России и молиться за соотечественников. Идти они намерены были больше года. Крестный ход был посвящен объединению русской и зарубежной православных церквей... С утра в Знаменском монастыре мы со Стрижовой приложились к чудотворной иконе Божьей Матери «Державная». Потом пристроились — другого слова не найду — к Крестному ходу, даже не зная, куда он будет двигаться. Решили не много пройти со всеми. Впереди — верующие несут хоругви, крест, икону Божьей Матери «Державная». Идем правой обочиной дороги вдоль Ангары. Над Ангарой стоит туман, и от реки дует колючий ветерок. Навстречу едут легковые, автобусы, тяжелые КамАЗы, а мы устраиваем затор на дорогах. Но удивительно, а может, как раз и вовсе не удивительно, раздражения на лицах водителей нет, больше любопытства и даже сочувствия. Крестный ход все больше начинает напоминать солдатский строй. Задние ряды нам не дают замедлить шаг. Пою молитву «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя». Перед нашими рядами объявляется регент. Девушка рукой в перчатке делает взмах на начало молитвы «Господи...». Заканчивает молитву крестом, прочерченным в воздухе рукой. Повсюду, помню (журналистский глаз — куда денешься?), баннеры с политической рекламой о предстоящих выборах в Госдуму. Один из кандидатов на плакате с решительно сжатым кулаком. Пиарщикам хотелось подать его воинственным и волевым. А из рядов Крестного хода он видится человеком жалким, подневольным, подставляющим свою шею под ярмо. Деньги и власть, это же ярмо, но такое видится только из рядов Крестного хода, длинного, с нескончаемой молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Туман над Ангарой рассеивается, и наступает ясный солнечный день. Справа остается Успенский храм, что в Жилкино. Нам со Стрижовой радостно: от храма звонят колокола. Идем уже больше часа. Мы с Людой оказываемся чуть ли не в конце колонны. Замечаю вдруг, что у Стрижовой страшно красное лицо. Начинает отставать. Я ей говорю: «Может, пойдешь на остановку?» Сама уже выходить из строя не хочу, хотя совестно: вместе пошли, вместе бы и сойти в сторону. Но не могу уже выйти из Крестного хода. Даю Стрижовой таблетку валидола. Она замедляет шаг и оказывается в хвосте Крестного хода. За Жилкино, поискав взглядом Стрижову и не увидев ее, отстаю. Решаю, что Стрижова ушла на остановку. Мне совестно перед подругой — и остановиться не могу. Столько ведь уже прошла, охота дойти до конца, до храма. Замыкает Крестный ход курносая краснощекая монашка. «Не отставайте!» — повелительно и впрямь, как в сол-

датском строю, приказным тоном окрикает она. «Я подружку ишу». — «Вот ваша подружка, Матерь Божия, за ней и идите». — «Да, нехорошо, мы вместе вышли». — «Ничего, она не маленькая. Молитесь за нее». Я бегу, чтобы нагнать свой ряд, и молюсь за Стрижову. Часа два пути. Подступаем к Ново-Ленинскому мосту. Я все переживаю — «кинула» Стрижову. Велико же было мое удивление, когда в родном стрижовском Ново-Ленино она меня вдруг окликает: «Танюшка, я здесь». Какое счастье! Оказывается, она села в автобус, который сопровождал Крестный ход, и доехала до храма. Я просто выдохнула от радости: слава Богу, вместе добрались. Верно мне монашка сказала: «Молитесь за подружку». Вместе вошли и в ее родную Михаило-Архангельскую церковь. Хорошо было на душе, открыленно и сладко. У Стрижовой ни тени осуждения. Такой она человек. А я все-таки до сих пор сомневаюсь: может, надо было мне тогда вместе с ней выйти из Крестного хода?

И вот уже в 2009 году записываю интервью со Стрижовой о вере христианской.

Журналист: «Людмила Ивановна, а не помните, когда первый раз в храм пришли?»

Стрижова: «Я вот не помню, как меня крестили. Бабушка крестила. Но я помню один момент, когда пришла на причастие. Я отметилась вот чем. Выдавали кагор по ложке. Причащают и дают кагор. Я выпила эту ложку кагора и встала снова в хвост очереди. Подхожу, батюшка так строго смотрит: «Я же тебе уже давал кагор, ты уже пригубила». Зовет бабушку: «Александра, смотри, твоя-то уже второй раз за кагором встала. Да что это такое?» — Бабушка говорит: «Батюшка, вкусно же, дай». Батюшка дал. Рассмеялся. Я почему-то это очень хорошо запомнила. «И больше не вставай в очередь», — батюшка сказал. Кстати, меня же крестили в Михаило-Архангельском храме, он никогда не закрывался. Я маленькая была, и мне он казался таким большим храмом. Там было очень мало народа, но народ был... Сейчас я, когда прихожу, думаю: «Да он же маленький, он же небольшой храм». Я очень люблю это место. Там народа теперь много. Конечно, это родина моя — Ново-Ленино. Недалеко роддом, где я родилась. Мы жили в бараках.

Конечно, это все настолько родное и близкое. А потом долго не ходила в храм. Я в храм стала ходить, если не соврать, наверное, в 48–49 лет... Без Бога, как я понимаю, человек не может жить... Я про себя только говорю. Про себя. Не хочу про других говорить. Я шибко человек неуравновешенный. Говорить: вот я бегаю в храм — нет, конечно. Хотя это очень мучает, очень мучает, что у меня не получается так, как надо бы. Вот сходишь в храм, со всеми постоишь, помолишься, легче душе. А уж если причастишься, еще легче. Смотрю на лица причащенных людей — совсем другие лица, как будто их освятили, как будто им разрешили побывать в том месте, куда не каждого пускают. Еще я очень люблю в храме, когда мужчина держит на руках младенца. Когда мужчина, папа, держит сына или девочку. Вот такие беззащитные существа на руках у своих родителей. Почему умиляет? Потому что мы у Господа так же, как младенцы, так же беззащитны в наших бедах, напастях, в ненастье, в горе. И жмемся к Нему, чтоб не оттолкнул».

Перед самой смертью Люда успела исповедоваться. Батюшка приходил домой. Уже когда болела, были и на соборовании в Михаило-Архангельском храме. Здесь ее крестили, здесь она венчалась с дорогим супругом, Александром Валериановичем. Здесь и соборовалась незадолго до смерти...

«Гони в ТЮЗ! Я — Старая Зайчиха!»

Одну пресмешную историю о сказочной роли Стрижовой вспомнила в эфире радио актриса ТЮЗа Наталья Маламуд.

Маламуд: «Мы играем спектакль «Зайка-Зазнайка». Вечный спектакль. Мы работаем еще в старом ТЮЗе. Татьяна, помощник режиссера, звонит Стрижовой и говорит: «Людмила Ивановна, а вы где?» — Она говорит: «А что такое, Таня? Я дома. А что случилось?» Татьяна говорит: «Людмила Ивановна, а у вас через 15 минут спектакль «Зайка-Зазнайка». Стрижова: «Ужас!». Выскакивает из дома, хватается такси. Садится в такси и кричит водителю: «Гони в ТЮЗ! Я — Старая Зайчиха!»... Она успела к выходу на сцену. Мы выли от смеха, когда она рассказывала эту историю. Мы готовы были слушать эту историю бесконечно. До сих пор, как вспомним, смеемся».

Одно из коротких радиointервью со Стрижовой я в свое время посвятила сказкам.

Журналист: «Людмила Иванова, в сказках любите работать?»

Стрижова: «Да, люблю. Персонажи сказок, они ведь часто бывают зверушки, а зверушек играть очень трудно. А когда еще зверушка з а г о в о р л а , будь то зайчиха, волк, лиса — это дело серьезное: нужно так заговорить, чтобы дети поверили, что ты лиса, чтобы поверили, что ты зайчиха. Поэтому это очень серьезное дело».

Журналист: «Каких сказочных героев вам доводилось в жизни играть?»

Стрижова: «Ворону. Очень люблю. Играла Ворону в спектакле «Праздник кота Варфоломея». У нее была такая шаль цыганская, это как будто крылья у меня. Каркала не сильно, но старалась: «Кар-р-р». Даже посматривала на одну ворону. Ходила, смотрела за ней по улице. У них же тоже есть повадки. Даже когда она каркнула, я оглянулась, нет ли кого на улице, и вслед за ней тоже: «Кар-р-р».

Наталья Маламуд в эфире тоже вспомнит про ту самую любимую стрижовскую Ворону из «Праздника кота Варфоломея»: «В этом спектакле она была, если так можно сказать, «изюмительной», шикарней, яркой вороной. Она сидела на большой кровати, свесив ножки, и болтала ими. И была таким ребенком, девчонкой, немного хитренькой, такой шкодной — ну, Стрижова же!.. Такой, одним словом, какой должна быть Ворона».

«Она к детским спектаклям часто относилась серьезнее, чем ко взрослым, — вспоминает в эфире радио актриса Алена Партысь. — Мы, наверное, с меньшей серьезностью это делали. Тот же «Зайка-Зазнайка». Когда приходит Волк, а зайцы уже заняли лисий домик, мы все там стоим за ширмой: Старая Зайчиха — Стрижова, Молодая Зайчиха, которую я играла, Наташа Маламуд играла Зайчонка. И вот мы все стоим. Волк стучится в дверь и кричит: «Кто это там?» И тут просто надо было видеть Людмилу Ивановну Стрижову, она отвечала очень серьезно: «Это мы, зайцы!» Абсолютно безапелляционно, как отбойным молотком: «Это мы, зайцы!»

При рассказе Алена Партысь так копирует правдоподобный, не терпящий сомнения тон Стрижовой, что, ничуть не сомневаясь, видишь: в театральном домике вовсе не артисты в сказке Сергея Михалкова, а именно зайцы с их лесными страстями. После этого Алениного копирования Стрижовой, мы все втроем в эфире не можем удержаться от смеха. «В этот момент, в эту секунду, мы все на полном серьезе верили, что мы действительно зайцы, и что это наш домик. До сих пор мы

играем этот спектакль, и когда Волк стучится в дверь и кричит: «Кто это там?» — мы все делаем очень суровые решительные лица и кричим: «Это мы, зайцы!». Спектакль до сих пор живет. Это еще Александр Валерианович Ищенко ставил. 14 лет идет сказка в ТюЗе».

Маламуд: «Когда она была на сцене, а мы за кулисами, мы все ее спектакли смотрели. Действительно, это была такая актриса, у которой можно и надо было учиться. Она словно бы разрешала: «Берите, пожалуйста, пользуйтесь»».

Журналист: «Хотя в ней гордыни не было. Она не считала, что кто-то чему-то у нее учится. Она сама все время училась, насколько мне помнится».

Партысь: «Да, она могла просить совета у молодых артистов. Она настолько была проста в общении, в жизни. И когда она была заслуженной артисткой, а потом стала народной — это на личности, на простоте ее в общении никак не отражалось. Она могла у молодой актрисы спрашивать: «Ну как, как у нас сцена прошла? Кажется, что-то как-то не так, ты как думаешь?» И она в этом смысле была очень простым, очень доступным и очень искренним человеком. А что касается «посмотреть из-за кулис» — это же иногда хочется получить свой маленький катарсис. Но я хочу сказать и о другом. Был у нас спектакль «А зори здесь тихие». Я играла там Осянину. И вот последняя сцена у Осяниной с Васковым. Я говорю свой финальный монолог. И когда однажды я увидела, что Стрижова стоит за кулисами и смотрит мою сцену, я ощутила просто какое-то человеческое потрясение. Мне было так лестно. А потом она подошла и меня обняла»...